

УДК 930.1
ББК 63.1(2)53

Т. В. Чугунова

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПОИСКИ РОССИЙСКИХ АНТИКОВЕДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Поднимается вопрос о путях и духовно-нравственных поисках российских антиковедов с привлечением античных ценностей и идеалов, рецепции наиболее ценного в историческом наследии. Обосновывается их вклад в формирование высоко нравственной и гуманной личности в гимназиях и университетах России второй половины XIX — начала XX века, раскрывается система методов и подходов в решении этой сложной задачи.

Ключевые слова: антиковеды, античность, духовность, образование, воспитание.

T. V. Chugunova

SPIRITUAL AND MORAL SEARCH OF THE RUSSIAN ANTIQUITY RESEARCHERS OF THE SECOND HALF OF THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

In the article the question of ways and spiritual and moral search of the Russian antiquity researchers using antique values and ideals, the assimilation of the most valuable in historical heritage is brought up. Their contribution in formation of highly moral and humane personality in gymnasiums and universities of Russia of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries is proved, the system of methods and approaches in the solution of this difficult task is revealed.

Key words: antiquity researchers, antiquity, spirituality, education, upbringing.

Русская школа антиковедения к рубежу XIX—XX веков стала органичной частью мирового антиковедения и принадлежала к числу ее лидеров. Благодаря своему междисциплинарному, синтетическому характеру, нахождению на стыке филологии, истории и археологии с примыкающим к ней искусствоведением российское антиковедение отвечало высокому уровню мировых требований к этой науке. Данный подход в изучении античного мира согласовывался также с отечественной гуманитарной традицией комплексного исследования феномена античности с акцентом на духовно-нравственные поиски.

В русле современной терминологии данная тенденция отвечает «новой культурно-интеллектуальной истории», направленной на изучение истории «в человеческом измерении». По мнению академика А. Ф. Лосева, академическое оперирование с источниками мало что дает, а применительно к античности тем более, так как, по его мнению, античность вырастает только на мирозерцательных выводах, на которых восстанавливается целое античное мировоззрение. И если ученый-гуманитарий не имеет никакого мировоззрения и никакого мирозерцательного вывода не делает, это плохой ученый [23].

Сегодня, также как и сто лет назад, переосмысление феномена античной культуры, ее вневременных культурных ценностей является одним из важнейших способов преодоления насущных проблем, достижения духовного роста. По мнению В. С. Библера, «...типологически различные культуры... втягиваются в одновременное и духовное пространство» [4, с. 32], в котором происходит «диалогическая встреча двух культур» и их взаимное обогащение (М. М. Бахтин).

В связи с этим обращение не только к академическому опыту российского дореволюционного антиковедения, но и к его интеллектуально-духовной, «человеческой» составляющей представляется актуальным и своевременным.

Российские ученые-антиковеды XIX века в полной мере обладали не только пониманием, но и своей системой подходов в рецепции наиболее ценного в историческом наследии. Как достигалось ими решение этой непростой задачи с помощью идеалов тысячелетней давности сформировать жизнеспособную систему нравственного воспитания и образования?

Необходимо вначале отметить, что идеалом русской гуманитарной интеллигенции XIX века являлась высоконравственная, самостоятельно и критически мыслящая личность. Эти качества человека были также центральными для теории и практики образования и воспитания в дореволюционной России, так как на их выработку и претворение в жизнь оказывала влияние научно-педагогическая интеллигенция. В этом было ее отличие от других слоев населения, ориентированных на утилитарные, профессиональные идеалы. Воспитательный идеал носил характер «научного идеализма» и абстрагированности представлений о добре и нравственности [5].

Поисками духовности отличались традиции восприятия античного наследия в России. Поэтому взглядам и деятельности ученых и преподавателей, профессионально занимавшихся античностью (не только «любительствующим»), были присущи позиции идеального, а не эмпирического. Этим объяснялось преобладание в их научном творчестве, несмотря на различие антиковедов по политическим взглядам, этнической принадлежности, научному менталитету («фактопоклонники» и «импрессионисты»), направлений антиковедных исследований (социально-экономический, политический аспекты и т. д.), симпатии и антипатии друг к другу, культурно-исторической детерминанты. Смысл ее заключался:

- в создании цельной картины эпохи с помощью сравнительного анализа и обширного исходного материала, использовании принципа историзма;
- выделении роли человеческой личности в истории;
- изучении психического строя личности и формирующейся на этой основе культуры (психологизирующая составляющая);
- присутствию морально-нравственной категории в исследованиях;
- идеализированном подходе в изучении античности.

Отход от привычных стереотипов отношения к прошлому, от исследования в «чистом» виде к нравственному восприятию был обусловлен:

во-первых, особенностью российского менталитета, имеющего в своем основании духовные приоритеты;

во-вторых, спецификой российской действительности (ее изолированность, отсутствие прочной традиции классического образования как системы (но не традиций античности!) на русской почве);

в-третьих, наличными потребностями российского общества и его искомым будущим;

в-четвертых, созвучием эллинской и римской образованности понятиям и требованиям, предъявленным к античности (это, прежде всего, специфика классической этической мысли — стремление обосновать мораль путем апелляции к представлениям о человеческой природе) российским интеллигентским сознанием.

Общей для российского антиковедения являлась также тенденция «стоять несколько в стороне» от различного рода пристрастий [7, с. 6]. Разделяя те или иные общественно-политические мнения, научные изыскания «всеобщих» историков, в том числе и антиковедов, в целом носили внеполитический, надклассовый, наднациональный, вневероисповедальный характер. Сфера свободного творчества духа в истории, «беспристрастная и внепартийная оценка результатов, достигнутых в результате исследований» — отличительная черта крупнейших ученых-историков второй половины XIX — начала XX века — П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, В. И. Герье, М. С. Корелина, И. М. Гревса [27, с. 23]. Нейтральной позиции антиковеды придерживались не только в научных исследованиях. В критические моменты жизни российского общества (революционная ситуация) им также она была присуща [2]. Данное качество ученых-классиков было проявлением определенной аполитичности большинства педагогов России дореволюционного периода. Подтверждением этого являются работы современного исследователя по истории учительства И. В. Сучкова. По его мнению, откровенная революционность не была свойственна подавляющему большинству учителей. Это объяснялось, по его мнению, тем, что разрушительные революционные процессы противоречили специфике их деятельности. Учительство как часть интеллигенции с большим чувством ответственности относилось к общественно-педагогической работе, формированию знаний у воспитанников. Поэтому учителя, находившиеся на государственной службе, предпочитали законные формы выступлений [29].

Важной особенностью, которая отличала антиковедов не только от западноевропейских, но и отечественных ученых-историков, занимающихся иной исторической проблематикой, на наш взгляд, являлось проникновение духа античности в самих исследователей. Пребывая в атмосфере антиковедных занятий, историки становились личностями, выделявшимися среди своих коллег высокими духовными качествами. Резонно заметить, что далеко не все из них заслуживали наивысшей оценки. Например, С. А. Жебелев, характеризуя Ф. Ф. Соколова как выдающегося антиковеда, ссылается на характеристику, данную ему профессором М. И. Касторским и высказанную В. С. Григорьевым в книге «Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», вышедшей в 1870 году. Известный ученый предстает, с их точки зрения, как человек, который мало содействовал развитию «вкуса к историческим занятиям, ...несмотря на обширные его начитанность и основательность классического образования» [16, с. 5]. Однако более справедливым является тезис, обосновывающий общие черты, характерные для антиковедов, выделяющий их среди других. Современники подчеркивали, что лучшие среди них «при довольно низком общем уровне ... настолько [выдавались], что казались выше, чем были в действительности» [10, с. 301].

Представляется возможным отнести эту часть историков к одной из категорий интеллигенции, которые выделил известный публицист и общественный деятель Н. А. Гредескул. Одну из них он называл «интеллигенцией идеологического типа» (Новиков, Радищев, декабристы), другую — интеллигенцией, которая «находит смысл жизни в ... самом труде, при очевидности его пользы» [15, с. 219]. Научно-педагогическая интеллигенция в лице историков-антиковедов может быть отнесена ко второй из данных категорий. Обогащение идеалами классической культуры, знание античности «изнутри» способствовало формированию педагогов и ученых, отличных по своему менталитету от других профессиональных категорий.

Русское историческое антиковедение так же, как и философствование носило характер антропоцентричности. Проблемы, связанные с человеком и его духовными исканиями, а значит тема морали и нравственности, так необходимая русскому обществу во второй половине XIX века, являлись ключевыми в научной деятельности отечественных антиковедов. В этой связи необходимо отметить наличие тенденции обращения ученых к науке в целом и исторической, в частности, как одному из средств формирования полноценной в образовательном и духовном отношении личности. Она рассматривалась в качестве орудия в борьбе за умы и души. «...одна только нелицемерная независимая наука (по словам профессора В. И. Модестова. — *Т. Ч.*) возвышает нравственно человека, сообщает обаяние словам лица, говорящего от ее имени, и дает добрые плоды на пользу общества и государства» [31, с. 4].

Наиболее цельный взгляд не только на значение науки в воспитании образованной и нравственной личности, но и на место педагогики как проводника ее идей в процессе формирования оснований и принципов интеллигентного человека, был сделан И. М. Гревсом во вступительной лекции к курсу педагогики перед гимназистками выпускного 8-го класса. Являясь ученым беспристрастным, профессор исторического отделения Петербургского университета И. М. Гревс, по воспоминаниям его ученика Анциферова, в то же время обладал «глубоким и горячим моральным чувством». Оно находило почву в научно-педагогической деятельности Ивана Михайловича, которая была обращена к духовно прекрасным личностям или к тем, «кто был (ее. — *Т. Ч.*) носитель /или искатель правды/» [1]. Это ярко отразилось в авторском университетском курсе И. М. Гревса под названием «Духовная культура конца Римской империи». Поэтому не случайно, выступая перед слушательницами Санкт-Петербургской гимназии А. С. Таганцевой 7 октября 1887 года, профессор выразил надежду на обоюдный внутренний духовный союз, на «общее настроение, проникающее и преподающего, и слушающих и стремление найти в их лице людей с “цельным мировоззрением”, духовных личностей. Для выработки цельного мировоззрения, для того, чтобы подготовить себя к жизни (сознательной и хорошей. — *Т. Ч.*) надо сделаться образованным и нравственным человеком» [14, с. 4]. Что, в первую очередь, предполагает овладение научными знаниями. Наука имеет первостепенное значение в образовательном уровне человека. Хотя, как подчеркивал автор, необходимы пояснения, как и каким образом надо ею заниматься, чтобы она привела к желаемому результату. Нравственными людей делает также наука, но только отчасти. «Она дает толчок к усовершенствованию нравственной природы, доканчивают же нравственность другие силы» [14, с. 5]. Указав путь нравственного прогресса (идеалы добра и правды), наука убедит в том,

что составляет несомненную истину и еще раз докажет свое облагораживающее значение и свой нравственный характер и даже раскроет людям понимание их долга. Но влияния науки здесь недостаточно! Для того чтобы стать нравственным, по мнению профессора, необходимо «сознание своего долга одушевить ... чувством любви к добру и людям, создать в себе совокупность таких навыков, влечений, склонностей, которые помогали бы ... претворить благою мысль и благородное чувство в хорошее дело» [14, с. 4]. Претворение в жизнь, «доканчивание нравственности» происходит с помощью работы над собой (самосовершенствование с целью развития доброго, благожелательного отношения к людям), ориентира на хорошие примеры, взаимную помощь, трудовую жизнь и так далее. В конце лекции, говоря о месте педагогики, И. М. Гревс подчеркивал, что достигнуть желаемого — помочь выработать навыки и склонности, можно только с помощью долгого периода подготовки, воспитания и самостоятельного «довоспитывания», а также изучения душевного развития человека с обращением к философии и истории.

Данный тезис не являлся беспочвенным и нереальным теоретизированием. Основанием служила назревшая потребность российского общества не только в оформлении и передаче исторических знаний, но в исторической теории, способной стать национальной идеей [30, с. 36]. По словам Н. И. Кареева, русского историка, известного широтой своих взглядов на историю и воспитание молодежи, XIX столетие можно с уверенностью назвать «историческим», подобно тому, как XVIII век — философским.

Обращение к истории все чаще привлекало внимание не только историков, но ученых и педагогов, общественных деятелей, не имеющих образования в этой области. Но их понимание значимости исторических знаний не всегда было глубоким. Так, Комиссия по организации домашнего чтения при Обществе распространения технических знаний признавала общеобразовательное значение исторической науки, не видя в ней «нравственного воспитателя».

Однако, по мнению профессора всеобщей истории Петербургского университета Н. И. Кареева, нравственное воспитание «должно рассматриваться только как естественный результат разумного преподавания истории» [22, с. 163—164]. История помимо образовательной функции (наряду со школой, семьей, окружающей средой), призвана оказывать серьезное воспитательное воздействие на молодежь. Но для этого в школе должны быть созданы соответствующие условия, учитывающие высокое предназначение данной науки. Это, в первую очередь, наличие хороших учебных пособий. Вспоминая свои школьные годы, ученый отмечал: «Если я в гимназии не сделался историком, вина лежала на учебнике и преподавателе» [21, с. 140]. Роли педагога Н. И. Кареев придавал первостепенное значение. «Преподавателю истории нет надобности быть учителем морали, но он, несомненно, должен быть морально настроенным человеком в более сильной степени, нежели преподаватель математики или физики, которому на своих уроках не приходится иметь дело с такими нравственными ценностями, каких сплошь и рядом касается историческое преподавание» [там же]. По признанию Н. И. Кареева, преподавание истории должно быть одной из наиболее интеллигентных профессий. Так как история, в своем роде, единственный предмет, требующий широкого и всестороннего образования в смысле широкого и всестороннего понимания исторической жизни. Не менее важны в интеллигентном облике педагога-историка проявление его личной инициативы и личного понимания встающих вопросов [20, с. 26]. Педагог характеризовал

историческое знание не только как свод примеров, поясняющих и подтверждающих моральные истины. Он вполне справедливо предостерегал от многочисленных ошибок в обращении с исторической наукой. Преподающий историю не должен становиться морализатором. Этическое отношение к жизни и прошлому, его уважение к правде будет лучше понято юношеством, чем назидательные сентенции и детальные разборы «казусов добра и зла».

Традиция русской исторической науки в XIX веке заключалась в стремлении раскрыть причинность исторических событий и их закономерности, внутренние связи, найти подходы к решению общечеловеческих проблем и, в первую очередь, морально-нравственных. Наибольший вклад в формирование этой традиции, на наш взгляд, внесли историки древности. Большинство из них стремилось выходить за рамки специализации своего труда. Многие великолепно ориентировались в других разделах всеобщей истории, обладали исключительной эрудицией. Она помогала ученым наряду с изучением экономических, социальных, политических, правовых, языковых отношений древности, глубоко осмысливать вопросы культурной истории, философско-этические проблемы. Широта их исторического мировоззрения способствовала поставленной цели — отражению полноты картины исторических процессов. Основание этой традиции было заложено Т. Н. Грановским, а поддержано его многочисленными продолжателями из числа антиковедов.

Достижение общего смысла исторических процессов, обнаружение его в частных явлениях достигалось с помощью применения сравнительного анализа и привлечения обширного сходного материала. Как писал В. И. Модестов, он на стороне тех, «кто добивается в частных явлениях обнаружения общего смысла, кто заглядывает в глубь исторических событий и пытается на основании широкого изучения исторического, археологического, этнографического, статистического материала создать цельную картину века и таким путем приблизиться к пониманию законов, действующих в судьбах человечества» [24, с. 4].

Этим требованиям в полной мере соответствовала научно-педагогическая деятельность одного из выдающихся историков конца XIX — середины XX века М. И. Ростовцева. Его имя наши современники ставят в один ряд с такими немецкими учеными, столпами науки об античности, как Э. Мейер и Т. Моммзен, относят к лучшим представителям русской интеллигенции [28, с. 7]. В статье, посвященной 50-летию со дня рождения М. И. Ростовцева, И. Н. Бороздин в перечне заслуг юбиляра подчеркнул в числе главных внимание к вопросам духовности и культурно-исторический подход к событиям древности. Историк и классический филолог, специалист по проблемам экономического развития древнего мира, политической и социально-правовой истории эллинистических монархий и римского общества, тщательный и обстоятельный «археолог» М. И. Ростовцев в то же время не признавал абстрактных идей, схем, догм. Он блестяще оживлял, интерпретировал «сухие» источники, искал в древности ответы на современные вопросы.

Говоря о цели и смысле истории, ее изучении в одноименной лекции на открытии общеобразовательных курсов, Ф. Ф. Зелинский подчеркивал двоякое ее назначение. Прежде всего, кажущееся, на первый взгляд, необычным практическое назначение. Оно заключалось, по мнению ученого, в постоянной необходимости людей применять на деле уроки, извлеченные ими из истории, ибо история представляет собой тысячелетний свод наблюдений (практического опыта), который ни одна наука не может больше дать. Нельзя

не учитывать стремление лучшей (в умственном отношении) части человечества постичь смысл и причины окружающих явлений и событий [18, с. 26].

«Весьма немногие события», по мнению историка Т. Н. Грановского, были «отмечены характером совершенно новых, небывалых явлений. Для большей их части всегда существовали и существуют поучительные исторические аналогии...» [9, с. 4].

По свидетельству коллег-современников, профессор С. В. Ешевский постоянно старался связывать отдельные явления в общую картину взаимодействия интересов. Многосторонность натуры и широта взгляда отражались в его исторических работах и суждениях о науке [30, с. 28—29].

Академик В. П. Бузескул, характеризуя научную и преподавательскую деятельность профессора В. Ф. Цыха, подчеркивал замечательное свойство, заключающееся «в возражении против обычного деления истории на древнюю и новую, находя (его. — Т. Ч.) не соответствующим современному состоянию науки и самому понятию об истории...», допуская эти термины лишь в смысле фазиса или стадии в развитии того или другого народа, общества» [8, с. 7]. Сам В. П. Бузескул также придерживался точки зрения, что «всемирная история работает при помощи старых идей». Свои позиции по этому вопросу он отразил в работе [6], основной тезис которой заключался в аналогии античного мира со средними и новыми веками и с современностью; совпадением «жизненных жгучих нерешенных вопросов», волновавших древний мир и современного человека [6, с. 3].

В целях понимания глубокой связи и причинности явлений в судьбах цивилизации ученые-антиковеды не отрицали взаимосвязи истории как дисциплины гуманитарного цикла с науками естественными, считая, что только ограниченность или невежество могут не замечать великих успехов химии и физиологии [9, с. 6], что история всегда нуждалась и нуждается в разнообразных знаниях, заимствованных из других наук. Кареев замечал, что сегодня «экономист, юрист, политик и т. п. должен до известной степени быть историком, а историк — экономистом, юристом, политиком и т. д.» [21, с. 140].

При этом историки неизменно подчеркивали важную отличительную особенность своей науки от наук точных. Она заключалась в «педагогическом» ее назначении и интересе к ней не только специалистов [13, с. 1]. Изучение деятельности человеческого духа не может обойтись одной констатацией фактов, пусть и добытых научным путем. В истории всегда присутствует субъективный элемент, «который вносится личностью историка (берущего на себя обязательство быть нравственным. — Т. Ч.), ...обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, складом ума целой эпохи» [13, с. 2]. Поэтому, несмотря на признание значения и положительного влияния естественнонаучных дисциплин, в том числе и на науки исторические, антиковеды решительно отстаивали приоритетность гуманитарных наук в системе воспитания человека. В ситуации того времени, очень похожей на новейший период нашей истории технократизации общества, ученые не признавали за естествознанием способность удовлетворить нравственные потребности людей. Науки гуманитарные, в первую очередь классического цикла, по их мнению, сообщают уму «математическую точность и определенность», а духовные силы наполняют чистым понятием о красоте и возвышенным чувством нравственного долга и человеческого достоинства [9, с. 10].

Нравственное основание в истории и историке постоянно подчеркивал профессор всеобщей истории Харьковского университета Владимир Францевич Цых. Историю он понимал как науку, изображающую течение нравственной жизни рода человеческого. Преподаватель истории, по его мнению, должен был быть «прежде всего, человеком, а потом гражданином известного общества и иметь гуманное настроение духа» [8, с. 2].

Только владение умственной и нравственной силой возвеличивает народ. Обладающие таким источником могущества должны были явиться примером для остальных. К ним, по словам профессора В. И. Модестова, относятся греки и римляне.

Воспитание историей прослеживалось в мировоззрении целого ряда антиковедов. Так, С. А. Жебелев, выступая 19 декабря 1922 года с докладом на заседании «Кружка друзей греческого языка и литературы», ставит вопрос: «Чем дорога нам древняя Греция?». Сам же отвечает: «Греция дорога нам тем, что она первая провозгласила веру в человека в его настоящем, вселила в человека надежду на его будущее, привила к человеку любовь к его прошлому» [17, с. 148].

Личность человека главное и для Р. Ю. Виппера: «Надо уметь проникнуть глубже и найти за ними [фигурами в тогах и сандалиях] живых людей, (в которых. — Т. Ч.) мы видим самих себя» [12, с. 297].

Портреты героев древнего мира в изображении П. Н. Кудрявцева также выделяются живым и ярким характером. Ученый был признанным мастером филигранного психологического анализа исторических личностей.

Т. Н. Грановский характеризовал *личность* как «все активное, беспоконно толкающее вперед, ставящее запросы...» [11, с. 219]. Именно такими он видел историков Древней Греции и Древнего Рима, принадлежавших преимущественно к высшим слоям общества, заслуга которых заключалась «в возбуждении в читателях нравственного чувства или эстетического наслаждения», с которой «соединялась нередко другая, более положительная...» — служение «примером и уроком для будущих» [11, с. 219].

Таким образом, можно прийти к выводу, что на рубеже XIX—XX веков сформировались теоретические подходы российских антиковедов к преподаванию древней истории, распространению знаний об античности. Они выражались в продуманной и взвешенной системе взглядов на воспитательное значение истории в системе наук, задачи и методы классического образования с акцентом на духовно-нравственные ценности.

Список литературы

1. *Анциферов Н. П.* Дневники // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ Ф. 27 Н. П. Анциферов. Ед. хр. 56. Л. 26.
2. *Анциферов Н. П.* Воспоминания. Ч. V. «Петербургский университет» // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ. Ф. 27 Н. П. Анциферов. Ед. хр. 56. Л. 2.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
4. *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 13—42.
5. *Блинов В. И.* Развитие теории и практики образования в России XVIII — начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. С. 17. URL: <http://www.oim.ru/reader> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Бузескул В. П. Античность и современность. Современные темы в античной Греции. СПб., 1913. 196 с.
7. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России : в 2 ч. Ч. 1. Л., 1929. 218 с.
8. Бузескул В. П. О лекциях В. Ф. Цыха, профессора Харьковского университета в 30-х годах прошлого века. Харьков : тип. «Печ. дело», 1910. [1], 7 с.
9. Бузескул В. П. Об отношении Т. Н. Грановского к античному миру: (По поводу столетия со дня рождения Т. Н. Грановского). СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, [1913]. 10 с.: портр.; 24 см. Отг. из журн. «Гермес», 1913 г. № 7. Без тит. л. и обл. Авт. указан в конце текста.
10. Бузескул В. П. Харьковский Грановский (Профессор М. Лунин) // Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 301—325.
11. Винпер Р. Ю. Общественно-исторические взгляды Грановского // Две интеллигенции и другие очерки. 1900—1912 : сб. ст. и публ. лекций. М., 1912. С. 189—219.
12. Винпер Р. Ю. Сумерки людей // Две интеллигенции и другие очерки. 1900—1912 : сб. ст. и публ. лекций. М., 1912. С. 202—297.
13. Герье В. Очерк развития исторической науки. М., 1865. 114 с.
14. Гревс И. М. Вступительное чтение в курс педагогики в гимназии А. С. Таганцевой в 1887/8 г. 7 октября 1887 г. СПб., 1887 // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ. Ф. № 1148. Ед. хр. 84. С. 4, 5.
15. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Интеллигенция в России : сб. статей. СПб., 1910. С. 8—58.
16. Жебелев С. А. Федор Федорович Соколов. СПб., 1909. 50 с.
17. Жебелев С. А. Чем дорога нам древняя Греция? // Журн. всеобщ. ист. 1923. № 3. С. 139—148.
18. Зелинский Ф. Ф. О цели и смысле изучения истории // Вестн. самообразования. 1903. № 26. С. 10—27.
19. Иванчик А. И. Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях. URL: <http://racs.igh.ru/Antikovedenie.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).
20. Кареев Н. И. Идеалы общего образования СПб., 1909. 128 с.
21. Кареев Н. И. О школьном преподавании истории. Пг., 1917. 220 с.
22. Кареев Н. И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. СПб., 1895. 167 с.
23. Лосев А. Ф. Из бесед и воспоминаний. URL: <http://www.philosophy.ru/library/losev/vosp.htm> (дата обращения: 23.03.2019).
24. Модестов В. И. Законы истории // Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и прочее. СПб., 1883. Т. 1. С. 280—313.
25. Мурзанаева Е. Н. Культурно-просветительские функции российского антиковедения XIX — начала XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Иваново, 1999. 204 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kulturno-prosvetitel'skie-funktsii-rossiiskogo-antikovedeniya-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения: 23.03.2019).
26. Мурыгина Н. Ф. Значение работ В. И. Модестова в развитии науки об античности // Труды IV научной конференции (31 мая — 2 июня 1956 года). Новосибирск, 1957. Т. 1. С. 150—200.
27. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань, 2000. 298 с.
28. Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. 623 с.
29. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков // Отеч. история. 1995. № 1. С. 62—77.
30. Трачевский А. С. В. Ешевский. М., 1865. 36 с.
31. Цветаев И. В. Профессор В. И. Модестов: по поводу сорокалетия его учено-литературной деятельности. М., 1908. 12 с.